

- smartfiction - <http://smartfiction.ru> -

Подумаешь, птицы! Анатолий Алексин

Posted By *longman* On 09.01.2013 @ 06:41 In Рассказы | [6 Comments](#)

Колькину маму никто по имени-отчеству не называл, все, даже ребята, называли ее просто Лелей. «Вот придет наша Леля с работы, мы вам покажем!» — кричали они волейболистам соседнего двора, и Колька ходил гордый, будто это он сам умел гасить так, что все игроки по ту сторону сетки боязливо приседали на корточки; будто он сам умел принимать труднейшие мячи, а подавал так, что мяч стремительным черным ядром пролетал в нескольких миллиметрах над сеткой, чудом умудряясь не задеть ее.

Мама выбегала во двор в узких спортивных брюках и тенниске. Болельщики встречали ее нетерпеливым гулом радости, но она прежде всего разыскивала Кольку и усаживала его в первый ряд зрителей — на садовую скамейку, на забор или прямо на траву... И тут уж Колька сидел скромно, строго, не выражая своего торжества, а только изредка обменивался взглядами с мамой, которая, казалось, молча спрашивала его: «Ну как? Ты доволен мною?» Или, наоборот, виновато подмигивала ему: «Прости... Сейчас постараюсь исправиться!» А когда команда выигрывала, мама непременно поднимала Кольку на руки и целовала, будто он был самым дорогим победным кубком, врученным ей раз и навсегда за все прошлые, настоящие и будущие победы.

Отец был намного старше мамы. Он не умел играть в волейбол, не умел бегать на лыжах и плавать диковинным стилем баттерфляй так хорошо, как умела мама. И мама почему-то не заставляла его учиться всему этому. Но зато она научила его тоже ходить в спортивной майке с распахнутым воротом, долго гулять перед сном и делать по утрам гимнастику (она вытаскивала в коридор сразу три коврика — для себя, для отца и совсем маленький для Кольки). А еще она научила отца судить волейбольные матчи, и когда отец со свистком во рту усаживался сбоку возле сетки, он тоже казался Кольке, а может быть, и всем остальным совсем молодым. И его в те минуты тоже хотелось называть просто по имени... Хотя никто его так все же не называл.

Зато вслед за мамой все уважительно именовали его:

«О справедливейший из справедливых!» И папин свисток был для спортсменов законом. Возвращаясь домой после волейбольного сражения или вечерней прогулки, отец очень часто говорил маме: «Мне снова легко дышится... Снова легко!» И это было очень важно для отца, потому что у него была бронхиальная астма.

Ну, а дома судьей была мама. Она никогда не давала громкого свистка, никогда не напоминала вслух о правилах жизни, но отец и Колька всегда весело и добровольно подчинялись ее решениям, потому что эти решения были справедливы.

У Кольки было любимое занятие: лечить больных, раненых или обмороженных птиц. Мама помогала ему и называла его птичьим доктором, а клетку, которую они вместе смастерили, — птичьей лечебницей. Весной Колька всегда выпускал своих выздоровевших пациентов на волю... Птицы нетерпеливо вырывались из клетки, и Кольке от этого даже бывало немного не по себе. Но, может быть, им просто не терпелось поскорее показать ему, насколько окрепли их крылья, насколько готовы они к полету, и в этом-то и была, быть может, их птичья благодарность...

Однажды летом отца стали душить частые приступы астмы.

— Я увезу тебя к самым лучшим врачам: к реке, к свежему воздуху... И они тебя вылечат! — сказала мама. — Мы заберемся в глушь и будем жить там как робинзоны!

Втроем они ехали на поезде, потом на грузовике, потом шли пешком — и забрались туда, где воздух был сухим, а природа именно такой, какую долгие годы прописывали отцу доктора, приговаривая: «Но все это, конечно, недостижимый идеал. Поэтому обратимся-ка лучше к таблеткам и каплям!..»

Доктора, к сожалению, не были знакомы с мамой и не знали, что она умела делать «достижимым» все, что нужно было отцу и Кольке.

Дома по вечерам мамино возвращение с работы мигом преображало все: утолялся голод, комната становилась уютной и чистой... И если мама задерживалась, Колька и отец чувствовали себя какими-то удивительно неустроенными, словно сидели на вокзале в ожидании поезда, который опаздывал и неизвестно когда должен был прийти.

То было дома, в городской квартире... А тут, на берегу реки, мама вдруг проявила такие способности, каких даже Колька с отцом от нее не ожидали. Отец по утрам планировал предстоящий день отдыха, а мама смеялась:

«Эх ты, мой проектировщик! Теоретик мой неисправимый!..» — и разжигала печку в домике лесника или даже костер прямо в лесу — варила суп, картошку, кипятила молока. И все это казалось Кольке самой аппетитной едой на свете.

Отец загорел, посвежел, забыл про свои лекарства. «Теперь мы с вами три богатыря!» — говорила мама. А сама вдруг однажды вечером легла-на бок, побледнела и, увидев испуганное Колькино лицо, заулыбалась как-то неестественно, через силу. Колька внезапно почувствовал, что выражение «земля уходит из-под ног», которое он иногда слышал от взрослых, — это не выдумка, не фантазия, не преувеличение: ноги его подкашивались от волнения, и он не ощущал под собой твердого дощатого пола, на котором стоял еще минуту назад.

Пожилой лесник, отец и Колька на брезентовой плащпалатке несли маму в деревню, что была в пяти километрах: к домику лесника нельзя было подъехать даже на телеге.

Мама все время держала Кольку за руку (не отца, не лесника, а только его, Колька навсегда запомнил это!). Она то и дело, быть может почти бессознательно, повторяла: «Ничего... Не волнуйтесь, пожалуйста. Не волнуйтесь...» Она, страдая, находила для них, трех мужчин, слова успокоения.

И только изредка спрашивала: «Еще долго? Еще далеко?..»

А они все трое молчали.

В лесу быстро темнело. Идти было трудно. И все то, что еще утром, еще днем казалось таким прекрасным, таким поэтически заманчивым — непроходимые заросли, глухое переплетение ветвей, — все это сейчас было враждебно и ненавистно Кольке. «Еще долго? Еще далеко?..» — спрашивала мама.

Из деревни они позвонили в больницу, что была за двадцать пять километров, в райцентре. «Скорая помощь» добиралась целую вечность, хотя по часам выходило, что ехала она всего минут сорок.

Молодой человек в белом халате, очень строгий и неразговорчивый, даже не поздоровавшись, стал сразу осматривать маму. А потом коротко сообщил: «Аппендицит». Садясь в белую машину с красными крестами, он произнес еще два слова: «Надо успеть».

Отец тоже сел в машину. И она умчалась. А Колька даже не догадался сказать, чтобы и его тоже взяли с собой, что он тоже хочет вместе с мамой...

Он стоял возле сельсовета рядом с пожилым лесником, неловко положившим ему на плечо тяжелую руку, и все время мысленно повторял последние мамины слова, тоже обращенные не к отцу, не к врачу в белом халате и не к пожилому леснику в резиновых сапогах, а только к нему, к Кольке, к нему одному на всем белом свете:

«Все будет хорошо. Мы еще побегаем с тобой по лесу!

Аппендицит — это ерунда. От этого не умирают...»

Мама умерла. Это было давно, в тот год, когда Колька еще только собирался на свой самый первый школьный урок. А теперь он уже был в шестом классе...

Прошли годы.

Но и сейчас каждый день Колька вспоминал строгого молодого человека в белом халате и короткую фразу: «Надо успеть». Почему же они не успели?..

Странная, непонятная людям привычка появилась у Кольки — почти у каждого нового знакомого он спрашивал:

«У вас был аппендицит?» — «Был, — отвечали некоторые. — Вырезали Ерундовая

операция!»

И снова одна и та же неотвязная мысль рвала его сердце:

«А если бы больница оказалась ближе? А если бы дорога в лесу была проходимее? Может быть, мама и сейчас была бы тут, рядом...»

И он слышал бы ее голос: «У меня нет никого роднее тебя... И не будет».

Колька стал мрачным и нелюдимым. То далекое лето, поначалу такое солнечное и беспечное, неотступно стояло перед его глазами и никак не хотело становиться воспоминанием...

Через три года после смерти мамы Колькин отец женился. В дом пришла Елена Станиславовна, работавшая с отцом в проектной конторе. Она пришла не одна, с нею вместе явилась и ее дочка Неля.

Неля была на год моложе Кольки, но в доме она сразу стала старше, как бы «главнее», потому что училась в музыкальной школе.

В большой комнате на самом видном месте было установлено черное блестящее пианино, и оно, казалось, сразу заполнило собой всю квартиру...

Перед тем как переехать, Елена Станиславовна спросила у Кольки, не возражает ли он против этого. Колька не возражал...

Потом она завела с Колькой беседу, которую назвала «очень важной для всей их дальнейшей совместной жизни».

Елена Станиславовна сказала, что Колька со временем, конечно, должен будет называть ее мамой, Нелю — сестрой; Неля же, тоже со временем, должна будет называть Колькиного отца папой, а все вчетвером они непременно должны будут стать друзьями. Все это Елена Станиславовна высказала так уверенно и гладко, будто читала по бумажке или заранее выучила текст беседы наизусть. Она добавила также, что Колька и Неля должны быть во всем равны.

Неля не «со временем», а прямо-таки с первого дня стала говорить Колькиному отцу «папа», и он несколько дней вздрагивал от неожиданности, когда она его так называла.

«Вот видишь, — сказала Елена Станиславовна Кольке. — Неля хоть и моложе, но подала тебе пример».

А Колька не мог... Именно потому, что новая папина жена употребляла эти жесткие слова «должен», «должны», он никак не мог назвать ее «мамой», а дочку ее — «сестрой».

Елена Станиславовна была, наверно, очень хорошей или, как говорил отец, «глубоко порядочной» женщиной, да и Неля ничего плохого пока не сделала, но друзьями они никак не становились, хоть это, по проекту Елены Станиславовны, обязательно «должно было быть».

Елена Станиславовна зорко следила за тем, чтобы Колька и Неля в одно и то же время утром вставали, а вечером ложились спать, поровну ели за завтраком, за обедом и за ужином (Кольке даже доставалось больше, потому что он, как подчеркивала Елена Станиславовна, «должен стать мужчиной»), но никакого равноправия все равно не получалось: Нелино пианино, ее призвание, ее музыкальное будущее не оставляли в доме даже крохотного местечка для Колькиных увлечений и призваний. Например, для его птиц...

Кольке было обидно, что не только Елена Станиславовна, но и его отец стал сразу очень уважительно относиться к Нелиным занятиям.

И еще Колька с острой обидой сознавал, что сам он никогда не смог бы вот так часами сидеть на черном вертящемся стуле и упрямо добиваться своего. Может быть, поэтому в доме от него ничего особенного и не ждали, были вполне удовлетворены, когда он получал тройки, хотя от Нели строго требовали одних только пятерок.

С приходом Елены Станиславовны отцу как-то сразу стало точно столько лет, сколько было по паспорту, — сорок пять. Он уже не судил волейбольные матчи во дворе (Елена Станиславовна назвала это мальчишеством), не ходил в спортивных рубашках с распахнутым воротом и, хоть Елена Станиславовна чуть не каждую неделю водила его по врачам, чувствовал себя очень неважно. «Ты забываешь о своей болезни!» — заботливо восклицала Елена Станиславовна.

А мама как раз старалась, чтобы отец о своей болезни никогда не вспоминал.

Кольке казалось, что новая жена отца бессознательно вытравляла все, что было связано с памятью о маме. Она делала это не нарочно, просто у нее был совсем другой характер. И другой характер стал у всего их дома. Дом был теперь аккуратным и подтянутым, словно застегнутым на все пуговицы, как строгий темно-синий жакет Елены Станиславовны.

Мамин портрет, которого Колька даже не видел раньше, Елена Станиславовна повесила на самом видном месте, над черным блестящим пианино, и, когда приходили гости, она громко всем сообщала: «Это первая жена моего супруга. Она была прекрасной женщиной. И нелепо погибла от аппендицита. Ее звали Еленой Сергеевной...» Колька вздрагивал, ему хотелось возразить, сказать, что маму звали просто Лелей.

Ему почему-то было неприятно, что полное мамино имя совпадало с именем Елены Станиславовны. Хотя, наверно, он был очень несправедлив.

...В тот памятный день, когда Колька вернулся из пионерского лагеря, в центре стола красовался пирог, купленный Еленой Станиславовной.

К этому дню Неля выучила новую музыкальную пьесу — бравурную и торжественную, подобную маршам, какими встречают победителей сражений. А Колька появился на пороге с облупившимся на солнце носом и со старым, тоже облупившимся чемоданчиком.

Неля кинулась к своему круглому вертящемуся стулу без спинки, откинула блестящую крышку пианино — и грянул марш. Но она не сумела доиграть до конца...

— Где моя Черная Спинка? — вскрикнул Колька, заглушая пианино.

Черной Спинкой он называл раненую чайку, которую нашел прошлым летом на озере, возле лагеря, и всю зиму лечил.

— Она... была на кухне, — ответил отец и двинулся навстречу Кольке с распростертыми объятиями. — Здравствуй!..

Колька увернулся от его рук, бросил свой чемоданчик на тахту и выскочил из комнаты. Все трое — отец, Елена Станиславовна и Неля, — переглянувшись, неуверенно двинулись за ним.

В кухне на окне стояла пустая клетка... Это была не обыкновенная клетка, какую можно купить в зоомагазине, она была самодельная, очень просторная, так что птица чувствовала себя в ней свободно и не должна была наткаться на деревянные перекладины. Эту клетку Колька построил очень давно с маминной помощью, и она бы, наверно, вполне подошла даже для ширококрылого горного орла, а не только для скромной чайки.

Внутри клетки в горшочке с землей рос куст, чтобы птица, если бы она не была речной чайкой, могла присесть на него и вспомнить свой родной лес. Сейчас листики на кусте свернулись в сухие трубочки: их, видно, давно уже никто не поливал.

Дверца клетки, которую вполне можно было бы назвать дверью, была открыта. В пустой банке из-под консервов валялось несколько желтых зерен...

— Вы давали ей рыбу? — тихо спросил Колька.

— Нет... у нас не было времени возиться с рыбой, — ответил отец. — А вот зерна...

Колька боялся задать главный вопрос, оттягивая его.

— А ногу вы ей перевязывали?

— Да... бинтом...

— Но ведь тут, на кухне, темно и жарко... и пахнет газом. Зачем же вы ее сюда?..

— Ты знаешь, Николай (отец в серьезные минуты всегда называл его так Николаем), ты знаешь, что Неля нигде летом не отдыхала, что она занималась с утра до вечера, а птица кричала, хлопала крыльями, чем-то там шуршала.

Ну, в общем, мешала ей...

— Черная Спинка, значит, тебе очень мешала? — все так же тихо, избегая еще главного вопроса, спросил Колька у Нели.

— Да, мешала! — звонко, дребезжащим от надвигавшегося плача голосом ответила девочка.

— Недаром тебя в школе зовут Писклей!

— Еще бы... Ведь я — твоя сестра!

— А ты мне не сестра... — выпалил Колька.

— Ты видишь, мама? Ты видишь?.. — Голос Нели становился все тоньше, будто внутри у нее туже и туже натягивалась незримая глазу струна. И вот струна лопнула: разрывавшись, девочка бросилась обратно в комнату.

До сих пор Елена Станиславовна молчала. В глубине души она считала, что должна была более чутко отнестись к Колькиной просьбе, внимательней последить за больной птицей. Она даже готова была вслух признать свою вину.

Но последняя Колькина фраза мигом изменила все ее намерения.

— Как ты можешь так, Коля? Неля видит в тебе своего брата, она так готовилась к твоему приезду... И эта Черная Спинка действительно мешала ей заниматься.

— Где же она сейчас? — тихо спросил Колька, не слыша ничего, кроме того, что касалось его любимой птицы.

Елена Станиславовна опустила голову.

— Она сдохла, — набравшись мужества, ответил отец.

Колька качнулся... Его поразило и то, что не стало любимой птицы, для которой он привез из лагеря целую банку мальков, и то, что отец сказал о ее смерти вот так прямо и грубо.

— Она умерла... а не сдохла. Умерла из-за вас! — крикнул Колька, сам еле сдерживая слезы. Он схватил свою огромную клетку и, неловко волоча ее впереди себя, спотыкаясь, побежал во двор...

— Ничего не понимаю, — медленно произнесла Елена Станиславовна. — Мы его так встретили... Неля марш приготовила. Подумаешь, птицы!..

Article printed from smartfiction: **<http://smartfiction.ru>**

URL to article: **http://smartfiction.ru/prose/no_big_deal_birds/**

<http://smartfiction.ru> — качественная литература по будням. Коротко.